

Главы из книг

Александр Шафран. Сопротивление нацистскому урагану

Александр Шафран. Евреи, христиане и наследие Шоа. Главы из книги

Перевод Давида Розенфельда

МОНСЕНЬЕР КАССУЛО – ВЕЛИКИЙ ГУМАНИСТ

Осенью 1942 года мы в Румынии были в отчаянии. Мы с горячностью возобновили наши обращения к королевскому дворцу и председателю совета министров Румынии по поводу отмены депортации румынских евреев, но все было безрезультатно. Мы сосредоточили внимание нашего Еврейского совета Румынии на монсеньере Андреа Кассуло – папском нунции, главе дипломатического корпуса, единственном иностранце, который, по нашему мнению, еще мог повлиять на двух Антонеску – диктатора Иона Антонеску и вице-премьера Михая Антонеску – и предотвратить окончательную Катастрофу евреев Румынии.

Я не раз встречался с Кассуло и неоднократно обрисовывал ему тяжесть ситуации. Сообщения о наших встречах с Кассуло передавались швейцарскому послу Рене де Веку, шведскому послу Рентесверду, турецкому дипломатическому представителю Сефебрати Истиниелю, а также Кольбу и Штейгеру, делегатам комитета Международного Красного Креста. Я просил их информировать Кассуло о том, что они готовы поддержать все действия, что они также пойдут на переговоры с румынским правительством.

Однако у меня всегда было такое чувство, что Кассуло сам не раз информировал их о шагах, которые он предпринимал. Он довольно часто согласовывал свои действия с этими дипломатами, консультировал их, особенно католика Рене де Века.

Когда я пришел к Кассуло, после его возвращения с приема у маршала Антонеску и Михая Антонеску, он не скрывал своей озабоченности. Поскольку он был человеком деликатным и гуманным, то старался оберегать меня от неприятных впечатлений и подыскивал подходящие слова о том, что ситуация остается весьма проблематичной. Маршал и Михай Антонеску были непреклонны в вопросе о депортации евреев, но все же категорически не отказывали ему, обещая поставить вопрос на предстоящем заседании Совета министров. Кассуло спросил их, как правительство, состоящее из людей, вообще могло присвоить себе право решать вопрос о жизни или смерти других людей. Уходя от обоих Антонеску, он дал им понять, что глубоко возмущен их антигуманной позицией. Описав мне этот эпизод, Кассуло не скрывал тяжести положения евреев. Тогда, переполненный чувствами, я сказал ему, что ценю все то, что он сделал для нас. Я заметил ему, что Провидению было угодно связать нас узами дружбы, чтобы мы были ближе друг к другу и чтобы была возможность лучше узнать нас, евреев Румынии.

Он находился в Бухаресте не просто с дипломатической, но с наивысшей гуманистической миссией – содействия спасению ни в чем не повинных людей – и мы всегда будем помнить об этом.

А так как наша ситуация была невероятно тяжелой, то я попросил его приложить максимум усилий и предпринять какие-то эффективные и впечатляющие действия, соответствующие исключительной трудности момента.

«Итак, что Вы хотели бы, чтобы я сделал?» – спросил Кассуло.

Тонем, не допускающим возражений, я ответил ему: «Поезжайте в Рим и привезите специальное послание Ватикана. Это подействует на Михая Антонеску и на Маршала».

Мне казалось очевидным, что Михай Антонеску был особенно заинтересован в том, чтобы получить благословение Ватикана в надежде, что в надлежащее время оно сыграет свою роль в пользу не только Румынии, но и его самого, если он окажется в опасности и будет нуждаться в защите.

Захватив с собой подготовленные мною документы, Кассуло поехал в Рим. Я верил и надеялся, что по возвращении в Бухарест он привезет ответ Ватикана на наше сообщение о положении румынского еврейства.

По некоторым причинам маршал Антонеску решил приостановить депортацию румынских евреев в Транснистрию. Но это было еще не все. Осенью и в начале зимы 1942-1943 г.г. постепенно началось даже осуществление репатриации выживших евреев Транснистрии! Удивительное дело! Это происходило вопреки яростному сопротивлению Киллингера, немецкого посла в Бухаресте, и Рихтера, представителя Эйхмана в Румынии. Последний не переставал требовать депортации евреев Румынии в Польшу.

Наше сотрудничество с Кассуло приносило результаты, а личные отношения носили уникальный характер. Нас объединяли узы взаимной близости. Сам Кассуло писал, что я «выдающаяся личность, обладающая чувством собственного достоинства», и чрезвычайно достойное духовное лицо.

Я полагал, что наше «тесное сотрудничество» предопределено свыше и что оно должно стать важным фактором в судьбе румынского еврейства. Часть румынского еврейства, которая была спасена, в большой мере обязана заступничеству Кассуло. Я подталкивал его к таким действиям. Однажды он сказал мне, что характер его заступничества по оказанию помощи евреям сформировался под влиянием моей манеры обращаться к нему. Он иногда прислушивался к моим предложениям о способах действий, даже если они не всегда соответствовали его обычной «дипломатической» манере. Действительно, Ватикан писал: *«Его (Кассуло) содействие еврейской общине требовало особого такта в связи с такими рискованными действиями, которые могли вызвать жесткий отпор и рассматриваться как вмешательство во внутренние дела страны».*

Дружеское отношение Кассуло было порою очень трогательным. Когда он уезжал в горы, то заботился о том, чтобы сообщить мне о специальных средствах, с помощью которых можно связаться с ним, если я почувствую необходимость в этом. Он даже указывал, как можно будет его лично найти в случае возникновения какой-либо опасности. Однажды я пошел на встречу с ним по делу о сиротах Транснистрии; я пришел, как обычно, без предупреждения. (В исключительных случаях, когда я сам не мог видеть Кассуло, моя жена, также без предупреждения, передавала ему срочные сообщения от меня.) Кассуло как-то вернулся домой с

приема у Михая Антонеску по вопросу о сиротах и увидел меня. Войдя, он сказал, что у него есть хорошие вести, что все пункты меморандума, подготовленного мною для него, приняты Михаем Антонеску. Вдруг он расплакался и сжал мои руки. Он был хорошим человеком.

Я также пошел к нему, чтобы увидеть, когда он вернулся из Транснистрии. И на этот раз в его глазах были слезы, когда он описывал все, увиденное им. Он в деталях отчитался передо мною и подтвердил «мучительные, тяжкие условия» существования депортированных евреев в «этом регионе».

Кассуло достаточно хорошо знал, что католическая церковь не любила евреев, даже крещеных, поскольку ему приходилось вступаться за них. Католические священники не переносили даже крещеных евреев.

Хотя Кассуло знал, что католическая церковь не благосклонна к евреям, все же осенью 1942 года тоном человека, которого мучают раздумья, говоря откровенно, как другу, он посоветовал: «Может быть, Вы попытались бы поговорить с католическим архиепископом Бухареста, Чизаром». Конечно, я послушался его и сразу же отправился к Чизару.

Чизар слушал, как я рассказывал о депортации, о тяжелом положении евреев и просил его помочь нам избежать неминуемой Катастрофы. Вдруг он прервал меня и сказал: «Г-н Главный раввин, Вы разве не понимаете, что ваш народ сейчас расплачивается за то, что он сделал с Иисусом? Они убили нашего Христа и теперь расплачиваются за свои преступления; ваш народ наказывают. Есть только один путь спасения вашего народа от уничтожения: скажите вашим единоверцам, что надо принять христианство и признать Иисуса своим спасителем».

Расстроенный этими словами, я сказал ему:

Ваше Преосвященство, я считаю Ваши слова ужасными. Не только потому, что Вы не уважаете веру преследуемых евреев, но и потому, что осмеливаетесь предлагать им принять Вашу религию, представитель которой, а именно Ваше Преосвященство, предъявляет им обвинения в убийстве.

Я продолжал:

Я пришел просить Вас во имя любви к ближнему помочь сохранить жизни невинных людей, принадлежащих к народу, который дал миру эту Божественную идею любви к своему ближнему. И Ваше Преосвященство оправдывает омерзительные преступления, совершаемые от имени религии, чьи представители восприняли эту идею, присвоили ее и, в конечном счете, надругались над нею. Преступления совершают те, кто воспитан в духе ненависти к евреям, кто думает, говорит и действует согласно проповеди Вашего Преосвященства.

Нет, Ваше Преосвященство, мой народ не обратит в другую веру. Он останется верным своему Богу, Богу Израиля и человечества, вопреки всем несчастьям, вопреки всему дурному в человеке, вопреки человеческой жестокости. Тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч евреев не отрекутся от своего Бога, останутся преданными своей вере, следуя своим предкам. В своей вере Израиль подобен скале, которую невозможно сдвинуть...

Чизар слушал молча. Он ничего не обещал. Однако, чувствуя, вероятно, в душе унижение, он поднялся, чтобы проводить меня к главной лестнице дворца. Хотя я входил во дворец через заднюю дверь, он проводил меня к парадной лестнице...

...Известно, что во время Второй мировой войны, когда евреев депортировали из Франции, Даниэль Ропс, французский католический историк, применял в своих сочинениях тот же убийственный «христианский аргумент», что и Чизар в Бухаресте. После войны Ропс исключил этот аргумент из новых изданий своих исторических произведений. В связи с теологической христианской точкой зрения Ропса я вспоминаю Поля Клоделя, известного французского католического писателя. Он говорил мне однажды, что он критиковал Даниэля Ропса за его «непростительную» позицию, которую тот провозгласил в то самое время, когда преследовали евреев Франции.

В Париже я участвовал в церемонии закладки камня в строительство «Монумента неизвестному еврейскому мученику», который позже стал «Центром современной еврейской документации». Инициатором этого монумента был Исаак Шнеерсон из Парижа, мой хороший друг, и он просил меня выступить на церемонии. Среди участников были католики Поль Клодель и друг еврейского народа королева Бельгии Элизабет. После того как я закончил свое выступление, Клодель, в присутствии королевы Элизабет, обсуждал ответственность Церкви и ее доктрины за то, что было совершено против евреев. В этом контексте он говорил мне о его противоречиях с Даниэлем Ропсом. Исаак Шнеерсон также просил меня посетить США, чтобы оказать влияние на еврейских и нееврейских лиц и организовать поддержку «Центра современной еврейской документации»...

...Кассуло был, прежде всего, дипломатом и осторожным человеком, выдающимся деятелем Церкви. Он никогда не говорил много со мною об отношении Ватикана к еврейской проблеме и никогда не говорил публично о Папе Пие XII и его отношении к евреям. Все же он поведал мне о том, что Ватикан изучает проблему, которую я представил ему, в частности, в отношении тех евреев, которых обрекали на изгнание в Транснистрию. Он сообщил, что передал Ватикану мое предложение о его поездке в Транснистрию, и что оно рассматривается. Со временем Ватикан принял мое предложение, и он посетил Транснистрию весной 1943 года. Он также дал мне знать, что Папа прислал ему некоторую сумму денег в помощь депортированным в Транснистрию. Но у меня всегда было такое чувство, что все эти гуманитарные акции были, скорее, отражением самой личности Кассуло и прямым следствием наших контактов. Конечно, в глазах румынского правительства он представлял престижный Ватикан, но мне казалось, что Кассуло использовал свой официальный авторитет для оказания помощи нам больше, чем ожидал от него Ватикан. Сообщив о моей признательности, о том, что д-р Шафран, главный раввин Румынии, выразил благодарность за «ходатайство в пользу евреев», Кассуло упоминает, что «он использует высокий моральный авторитет Святого Престола».

В то время как Кассуло был папским нунцием в Румынии, Ронкалли, впоследствии Папа Иоанн XXIII, был папским представителем в Стамбуле. Ронкалли тоже был хорошим человеком, и это особенно проявилось, когда он стал Папой.

Годы спустя, в Женеве, я представлял Всемирные еврейские организации в

Комиссии по правам человека, по гуманитарным и религиозным делам. Обсуждались, например, вопросы возвращения еврейских детей, которых прятали в период нацизма в христианских учреждениях и домах; статус евреев в арабских и коммунистических странах; беженцев (эмигрантов); реформа календаря; вопросы антисемитизма, расизма и др.

Однажды, когда я был во Дворце Наций, в перерыве между заседаниями, я зашел в библиотеку и стал искать публикации, связанные с периодом преследования евреев в странах, оккупированных нацистами. Я нашел изданный Ватиканом журнал на итальянском языке, *Civiltà Cattolica* (1961, III), где обсуждалась тема «Папский престол и еврейство Румынии во время Второй мировой войны». Автор Альберто Мартини упоминает некоторые наши с Кассуло ходатайства 1942-1943 гг.

В 1944 году д-р Исаак Герцог, главный раввин Палестины, специально приехал в Стамбул, чтобы просить Ронкалли вмешаться в дело эвакуации лагерей Транснистрии, из опасения, что они могут быть уничтожены отступающими немецкими войсками. Кассуло, когда его информировали об этом заступничестве, сообщил, что они с главным раввином Бухареста д-ром Шафраном приняли меры по этому вопросу. Действительно, я просил Кассуло ходатайствовать перед румынским правительством с целью не допустить, чтобы подвластные правительству евреи Транснистрии были переправлены или перемещены в Украину и таким образом оказались бы под исключительным контролем немцев. Я также просил, чтобы евреев Транснистрии переправили на Запад, в Старое Королевство, и разместили их на территории, находящейся под юрисдикцией Румынии.

В материалах Ватикана ситуация описана так:

Транснистрия – территория, простирающаяся от Днестра до Буга. Этот регион превратился в каторжную колонию для депортированных евреев. В 1941 году туда были депортированы десятки тысяч евреев из Бессарабии и Северной Буковины. К началу 1944 года изменилась военная обстановка, и еврейская община была крайне встревожена: из-за отступления румынских войск евреи могли остаться в руках немцев, находившихся в этом регионе. Еврейская община стремилась к тому, чтобы обеспечить скорую отправку депортированных в «Старое королевство» или, по крайней мере, в западную часть Транснистрии.... Чтобы добиться этой цели, еврейская община, представленная, главным образом, Александром Шафраном, главным раввином Румынии, продолжала обращаться за поддержкой к папскому Нунцию и Святому Престолу...

28 февраля 1944 г. государственный секретариат Ватикана получил телеграмму от монсеньера Ронкалли, папского посланника в Стамбуле. Главный Раввин Палестины Исаак Герцог просил Посольство выразить благодарность Папе за милосердие, проявленное в предыдущие месяцы, и просил срочного вмешательства Святого Престола в защиту 55000 евреев Транснистрии. 2 марта 1944 года Ватикан передал сообщение в Бухарест с инструкцией Нунцию Кассуло принять все возможные меры. Нунций уже был осведомлен о ситуации. Более того, 16 марта он писал о необходимости предпринять дополнительные ходатайства, кроме уже ранее сделанных по просьбе раввина Шафрана. Правительство было готово согласиться, и оно сделало бы больше, если бы не

опасалось реакции безжалостных врагов евреев, а именно, немцев. Нунций дополнительно сообщил новость большой важности: гражданская администрация Транснистрии отозвана, и население, включая группу евреев, было эвакуировано на другой берег Днестра, то есть в более безопасную зону. Воздерживаясь от преждевременного оптимизма, Нунций обещал и впредь следить за ситуацией.

Когда перемены на фронте стали очевидными, мы с Кассуло продолжали информировать друг друга о наших целях, успехах и результатах. По моему настоянию, Кассуло уделял особое внимание репатриации евреев Транснистрии, начиная с сирот (мы добились увеличения возрастного предела с тем, чтобы возможно большее число сирот могло быть репатрировано одновременно), и проблемам эмиграции евреев из Румынии в Палестину.

Я могу подтвердить, что Кассуло сдержал свое обещание «следить за ситуацией». Великодушная поддержка, оказанная им, была «решающей в спасении общины от уничтожения».

В апреле 1944 года участились англо-американские воздушные налеты на Румынию, и евреям не позволяли покидать города во время бомбежек (что не запрещалось христианам). Мы опасались, что евреи могли концентрироваться вне убежищ и их могли убивать орды румын и немцев. Кассуло был совершенно прав, когда говорил, что нам надо воздерживаться от «преждевременного оптимизма».

Кассуло информировал Ронкалли о своих усилиях по оказанию помощи румынским евреям. Эти сведения подтверждаются нотой, адресованной Нунцию Кассуло Главным Раввином Герцогом. Он писал:

Во время моего визита к Вашему выдающемуся коллеге, Его высочеству Апостольскому представителю в Стамбуле, я много слышал о том, что Вы сделали, чтобы помочь нашим несчастным братьям и сестрам, невинным жертвам преследований.

При коммунистическом правлении в Румынии Кассуло объявили «реакционером», «персоной нон грата», и вынудили покинуть страну. Его перевели в Стамбул, где он заменил Ронкалли. Ронкалли стал папским Нунцием в Париже, затем Патриархом Венеции и, наконец, Папой Иоанном XXIII. Но Кассуло никогда не отрекался от нашей дружбы. Действительно, после того как он покинул Бухарест и его заменил другой, новый Нунций пришел, чтобы познакомиться со мною и передать, что Кассуло просил его сохранить сердечные взаимоотношения, установившиеся между нами.

МИТРОПОЛИТ БЭЛАН: ЧУДЕСА СЛУЧАЮТСЯ

В августе 1942 года намечалось начать депортацию румынских евреев Южной Трансильвании в Польшу. Мы узнали об этом от д-ра Лигети из Тимишоары и других лидеров трансильванских общин, приехавших в Бухарест, чтобы сообщить нам о том, что уже стоят наготове поезда для депортации евреев Южной Трансильвании. Еврейские лидеры получили эту информацию от управления железных дорог Румынии. Мы проверили полученные сведения с помощью еврея, работавшего в центральном управлении железных дорог, и они оказались верными. Более того, мы узнали, что депортация евреев Южной Трансильвании была близка к осуществлению. Некоторые тревожные признаки мы также

обнаружили в немецкой прессе. В некоторых официальных румынских кругах мы получили сначала косвенные, а затем, приложив еще большие усилия, и прямые подтверждающие детали. Все эти факты убедили нас в том, что катастрофа надвигается.

Я предупредил об опасности короля Михая, королеву-мать Елену, Нунция Кассуло, Посла Швеции в Румынии де Века, делегатов комитета Международного Красного Креста. Поскольку это касалось евреев Трансильвании, мы также встречались с Маниу, который сам был родом из Трансильвании. Маниу, бывший президент национально-крестьянской партии и фактический лидер оппозиции режиму Антонеску, принял нас холодно. Как я всегда полагал, он рассматривал свои действия исключительно с точки зрения интересов румын. Он не был сентиментален. Только однажды, в 1942 году, я видел, как его железное сердце смягчилось. Маниу шел по улице Святого Иоанна Нового и вдруг услышал душераздирающий вопль, доносившийся из окна. Он остановился и спросил, что происходит. Ему сказали, что там евреи, которых собираются депортировать в Транснистрию, что этих евреев или членов их семей обвиняют в том, что они уклоняются от принудительных работ, что их «поймали» и заперли в доме, из которого их должны депортировать. Безнадежное положение несчастных евреев произвело сильное впечатление на Маниу, и он решил им помочь. Но его вмешательство не принесло никаких результатов, и со временем этих евреев выпустили только после вмешательства митрополита Бэлана.

Я стучался во все двери, особенно двух Антонеску. И двери открывались. Тот факт, что власти вообще позволяли мне заступаться, является частью чуда, которое характерно для судьбы евреев Румынии в период Холокоста, поскольку, в конце концов, официально я был заложником, а Фильдермана – Президента Федерации еврейских общин Румынии – преследовали как лидера румынского еврейства.

Однажды монсеньер Кассуло сказал мне, что гестапо, находившееся в здании напротив его резиденции, фотографирует каждый мой визит. Я мог пойти к Кассуло даже без предварительного телефонного звонка, как принято идти на встречу с другом. Я мог пойти, когда мне нужно было, даже в королевский дворец. Король и Королева-мать всегда относились ко мне с симпатией. Другие высокопоставленные лица королевского двора, осведомленные о сочувственном отношении королевской семьи ко мне, также в значительной мере разделяли его. Мои контакты с королевской семьей поддерживались и с помощью еврея – доктора Винклера, трансильванца из города Орадеа Маре, моего доброго друга. Он был дантистом королевской семьи, и Король, и Королева-мать высоко ценили его.

Поскольку опасность депортации трансильванского еврейства и отчаянные голоса тревоги из городов региона усиливались, то я встретился с королем Михаем и королевой-матерью, с Кассуло, швейцарским и шведским послами, с турецким представителем, с делегатами комитета Международного Красного Креста. Но все эти вмешательства не дали результатов, и подпольный Еврейский Совет решил предпринять необычайно дерзкий шаг: установить контакт с Митрополитом Бэланом, главой православной церкви Трансильвании. Риск был велик не только потому, что Бэлан был известным антисемитом, но и потому, что он находился в

городе Сибиу. Сначала мы думали, что мне следует поехать в Сибиу. Но это означало, что я должен нелегально, без разрешения, покинуть Бухарест, будучи евреем и заложником. Мне уже доводилось отправляться нелегально на небольшой срок с визитом в королевскую резиденцию в город Синая, но поездка в Сибиу могла оказаться более рискованной, так как там располагался важный германский центр, тесно связанный с гестапо.

Немцы в Сибиу могли бы помешать мне увидаться с митрополитом, и вместо того, чтобы попасть к Бэлану, я мог попасть в лапы гестапо. Следовательно, оставалась только одна возможность, казавшаяся неимоверно смелой, почти дерзкой, – сообщить Бэлану, что мне необходимо встретиться с ним незамедлительно, и я прошу его приехать в Бухарест. Это было невероятным даже в нормальные мирные времена, но в такой критической ситуации мы должны были испробовать все – даже невероятное.

Мы решили направить посланца в Сибиу, чтобы информировать митрополита о том, что я хотел бы срочно видеть его в Бухаресте. И неожиданное произошло! Тот самый Бэлан, который в Сенате относился ко мне отстраненно и холодно, тот самый решительно настроенный близкий друг маршала Антонеску, который принял из его рук корону митрополита оккупированной румынами Одессы (от чего отказался Патриарх Никодим) – тот же Бэлан ответил утвердительно, когда главный раввин Румынии просил встречи с ним в Бухаресте! Бэлан информировал меня, что он тотчас приедет в Бухарест и встретится со мною в доме своего родственника и бывшего премьер-министра – генерала Вэтояну.

При встрече Бэлан сначала казался прежним – отстраненным и холодным. Я объяснил ему чрезвычайно серьезную ситуацию евреев Южной Трансильвании и надвигающуюся угрозу депортации их в Польшу. Бэлан оставался безучастным. Побуждаемый какой-то сверхъестественной силой (как и в 1941 году во время моего разговора с Патриархом Никодимом в патриаршем дворце о депортации евреев Буковины, северной Молдавии и Бесарабии), я повысил голос и предупредил его: «Когда после смерти мы вместе предстанем перед Высшим Судьей, то я предъявлю Ему счет десятков тысяч невинно убиенных евреев – человеческих существ, за гибель которых Вы, митрополит, несете ответственность, так как они жили на территории Вашей епархии». Казалось, Бэлана задела эти яростные слова. Он поднялся с кресла и стал ходить по комнате. Наступила мертвая тишина. Вдруг Бэлан вернулся на свое место и пристально посмотрел на меня. Его лицо смягчилось. Он поднял телефонную трубку, позвонил в приемную маршала Антонеску и попросил немедленно принять его. Антонеску ответил, что не может принять его тотчас же, но приглашает его на ленч. Увидев происшедшую в Бэлане перемену, я решил надавить на него и рассказал о положении евреев, запертых в доме на улице Святого Иоанна Нового в ожидании депортации в Транснистрию. Бэлан был тронут. И еще я сказал ему, что эту проблему может решить Михай Антонеску. Не колеблясь, Бэлан снова поднял телефонную трубку и, позвонив Михаю Антонеску, добился от него обещания, что тот будет внимательно следить за ходом событий.

Во время ленча Бэлан отправился в резиденцию маршала Антонеску. Я последовал за ним во внутренний двор и проводил его к автомобилю. Я понимал, что поставленная перед ним задача, вероятно, решит судьбу десятков тысяч

евреев, и дрожащим голосом сказал митрополиту, что его поступок имеет огромное значение для евреев Румынии. Уже находясь в машине, он взял мою руку, посмотрел мне прямо в глаза и попросил запомнить этот день.

Я вернулся домой и, как только вошел в свой офис, потерял сознание. Моя жена пришла с термометром, и у меня действительно оказалась высокая температура. Постепенно я оправился от переживаний, которые переполняли мое существо.

В три часа пополудни зазвонил телефон. Раздался мощный голос – это был митрополит Бэлан. Он сообщил мне, что добился у маршала Антонеску приказа об отмене депортации евреев Южной Трансильвании. Чудо – да, это было чудо – свершилось! Евреи Южной Трансильвании были спасены от депортации в Польшу; действительно, очень многие жизни были сохранены.

Но немцы не отказались от своих бесчеловечных планов депортации всех евреев Румынии (Старого Королевства) в Польшу, в газовые камеры.

Немцы продолжали все упорнее настаивать на «решении еврейского вопроса». Депортация евреев Южной Трансильвании должна стать лишь прелюдией к ликвидации всего еврейского населения Румынии.

...Северная Трансильвания, которая была передана Гитлером Венгрии в 1940 году, не была возвращена Румынии сразу же после «освобождения» русскими и румынскими войсками в 1944 году от венгерского и немецкого господства. Русские поставили условие, что ее возвращение зависит от установления коммунистического правительства в Румынии. Действительно, после «прихода» к власти правительства Гроза (6 марта 1945 года) Северная Трансильвания была возвращена Румынии.

Чтобы отпраздновать знаменательное событие воссоединения Трансильвании с Румынией, было организовано большое торжество в столице единой Трансильвании – городе Клуж. Был подготовлен специальный поезд из Бухареста в Клуж для короля Михая, премьер-министра Петру Гроза, всех членов правительства, Патриарха Никодима и министра иностранных дел Советского Союза Андрея Вышинского. Я как главный раввин тоже был удостоен чести присутствовать на церемонии и ехать королевским поездом.

Весьма интересный эпизод имел место во время визита в Клуж. С теологической точки зрения, он подтверждал, что есть «судья и правосудие» на небесах; с исторической же точки зрения он показывал – в свете той же самой веры – что наступили другие времена и положение может радикально измениться.

После официального празднования воссоединения Трансильвании с Румынией последовал банкет, которым официально руководил Король. Рядом с ним сидели Премьер-министр Петру Гроза и Вышинский. Согласно местной традиции, центральное место во главе стола занимал православный Митрополит Трансильвании Николае Бэлан. Хотя резиденция митрополита находилась в городе Сибиу, он был митрополитом всей Трансильвании и потому произнес молитву перед началом трапезы.

В какой-то момент во время банкета я поднялся со своего места и направился к столу, за которым в центре сидели король, Гроза и Вышинский. Я хотел поговорить с последним о положении венгерских евреев. Здесь же рядом сидел

митрополит Бэлан, этот надменный, чопорный и импозантный трансильванский священник. Когда я подошел к нему, он на мгновение посмотрел мне в глаза и, повернув голову в сторону короля, Гроза и Вышинского, воскликнул: «*Если я сегодня нахожусь здесь во главе стола как митрополит, то этим я обязан Главному Раввину Шафрану...*» Все сидевшие за столом были ошеломлены. Я уже писал, как в августе 1942 года, когда правительство маршала Антонеску решило депортировать евреев Южной Трансильвании, Бэлан совершил исключительный поступок в ответ на мою просьбу приехать в Бухарест и встретиться со мною, и как, в итоге, евреи Южной Трансильвании избежали депортации.

...Однажды, после «освобождения», он прислал профессора православного теологического института в Сибиу сказать мне, что митрополит находится в очень трудной ситуации, ему угрожает арест и депортация. Митрополит просил напомнить мне о памятном дне лета 1942 года. Настало время мне вспомнить тот день и, в свою очередь, помочь ему.

Я тотчас же приступил к работе и поговорил с премьер-министром, с министрами юстиции, культов, внутренних дел и другими ключевыми фигурами, информируя их о том, чем я обязан митрополиту. Я подчеркивал, что для меня это вопрос чести и совести – помочь митрополиту Бэлану преодолеть затруднительную ситуацию. Решение, подобное тому, которое относилось к Бэлану, обычно должны были одобрять русские. Ведь Бэлан, как я уже говорил, был не только приближенным и хорошим другом маршала Антонеску, но и принял от него титул митрополита Одессы – русского города, оккупированного Румынией (Патриарх Никодим отказался от такой сомнительной чести).

Тем не менее, в результате моего заступничества, Бэлан не только избежал ареста и суда как военный преступник, но и остался на посту Митрополита Трансильвании.

Этот случай – пример иронического поворота в истории еврейского народа, подобно «перевернутой» ситуации, о которой рассказано в книге Эстер.

УСЛОВИЯ ВСТРЕЧИ ЕВРЕЕВ И ХРИСТИАН

Речь на встрече с представителями Церквей в Еврейской общине Женевы 13 января 1966 г. Текст этой речи был принят представительными организациями еврейских общин Италии, Бельгии и Франции в качестве основы для дискуссий между евреями и христианами.

«Благословен идущий во имя Всевышнего! Благословляем вас в доме Всевышнего». Таким благословением Царь Давид приветствует каждое собрание, члены которого считают себя братьями, сыновьями Всевышнего. Именно такой встречи желают все, кто ищет путеводный свет Единого Бога, Творца и Судьи мира; все, кто стремится понять связь между двумя основными заповедями: «Возлюби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим и всей душою твоею, и во всю силу твою» и «Возлюби ближнего твоего, как самого себя. Я – Господь». (Здесь я перевожу с иврита оригинальный текст из третьей и пятой *Книг Моисея*).

Эти две заповеди взаимно дополняют и проникают друг в друга. Любовь человека к Богу подлинна и глубока лишь тогда, когда она рождается в душе и сердце, открытых другим душам и сердцам. Так же и любовь человека к ближнему: она истинна и глубока лишь в том случае, если она сочетается с уважением к созданию, сотворенному по образу и подобию Божьему – источнику его человеческого достоинства. Любовь к Господу, которая идет не от сердца, так же, как и любовь к ближнему, которая не знает страха Божьего – будет просто лживой и ничтожной.

Вы, конечно, понимаете, почему я сегодня с радостью пользуюсь возможностью высказать признательность христианским Церквям Женевы, проявившим, по разным поводам, сердечное и уважительное отношение к моей общине и ее верующим. В последнее время христианские Церкви Женевы выразили нам трогательные соболезнования в связи с Днями, посвященными памяти наших мучеников, шести миллионов евреев, уничтоженных в Европе.

Дух Женевы, столицы гуманизма, воплощает и прославляет дух Швейцарии – свободной и потому светлой страны.

Действительно, именно в Швейцарии, в Зеелисберге, в 1947 году, спустя лишь несколько лет после того, как перестали дымиться печи Освенцима, – собралась международная конференция христиан и евреев. Христиане и евреи стремились вместе измерить неизмеримое, постичь непостижимое – безумные масштабы Катастрофы, которая постигла невинное и незащищенное население. Это происходило в самом центре нашего континента, на глазах «цивилизованного» мира, который равнодушно наблюдал за тем, как методически подготавливали и систематически осуществляли истребление целого народа. По правде говоря, то, что произошло с евреями, могло бы случиться и с другими людьми, с другим народом, даже со значительной частью человечества. Если стало возможным проводить эксперимент в Освенциме над третьей частью народа Израиля – народа, символизирующего своими страданиями все человечество, – тогда все возможно.

Однако в Зеелисберге мы, прежде всего, задались вопросом, как мог возникнуть Освенцим в христианской Европе, на континенте, где в течение многих веков говорится о преклонении перед Человеком-евреем, о почитании еврейской Книги. Мы сообща пришли к выводу, что Освенцим явился результатом многих Освенцимов, порожденных противоречиями, раздирающими христианскую Европу: она преклонялась перед Евреем и ненавидела евреев; она «почитала» еврейскую Библию и искажала ее содержание...

В десяти тезисах Зеелисбергской конференции, адресованных Церквям, была сделана попытка помочь христианскому миру преодолеть это роковое противоречие и таким образом предотвратить ужасный конец всего человечества, часть которого – наиболее сильную и влиятельную – составляют христиане. Зеелисберг стремился возродить то, что называют цивилизацией, и сохранить то, что в ней содержится плодотворного.

У меня остались значительные и волнующие воспоминания об этой Конференции, которая приняла рекомендации, призывающие христиан проявлять истинно христианское отношение к евреям.

Я принимал участие в работе Конференции. Ее подготовил г-н д-р Пьер Виссор,

сидящий сейчас в этом зале, и я дружески приветствую его. В числе интересных людей, участников той встречи, были, в частности, Жюль Исаак, видный французский историк-еврей, и Джеймс Паркс, его англиканский партнер с христианской стороны. Из наиболее привлекательных фигур я вспоминаю монсеньера Шарля Журне, привнесшего в это собрание утонченность и чувствительность своей души. Я имел счастье вновь пережить события Зеелисберга во время недавней встречи с его преосвященством кардиналом Шарлем Журне (попросившим меня в этой связи передать свои искренние приветствия Еврейской общине Женевы).

Во время нашей встречи кардинал Журне преподнес мне только что вышедшую из печати книгу своего друга Жака Маритена, содержащую текст письма-обращения видного французского дипломата и католического мыслителя к Зеелисбергской конференции. Жак Маритен в следующих словах предостерегает своих единоверцев: «Пока мир, притязающий на звание христианской цивилизации, не излечится от антисемитизма, до тех пор будет непрестанно совершаться грех, препятствующий его обновлению». Маритен уточняет также, что «борьба против антисемитизма является первостепенной обязанностью совести ради морального оздоровления того, что еще осталось от цивилизации».

Христианский мир широко откликнулся на Конференцию. Многие христианские деятели должны были подвергнуть себя суду собственной совести, другие пришли к переосмыслению еврейской проблемы. Во время больших экуменических встреч Церквей – протестантов в Нью-Дели и католиков в Риме – религиозная пропаганда ненависти к человеку была осуждена официально. Эти собрания приняли документы с выражением «сожаления о вражде, преследованиях, всех видах проявления антисемитизма». Мы как евреи воздерживаемся от высказываний по поводу религиозного характера этих «заявлений о евреях» в той части, в которой они касаются христианских религиозных авторитетов и обращены к христианам. Но, читая эти строки, мы замечаем в них проблеск надежды на горизонте нашего бытия. Можем ли мы надеяться, что христиане изменят свои взгляды на иудаизм и евреев? Будущее покажет.

У евреев имеется длительный и печальный опыт отношений с христианами. Несмотря на серьезные разочарования, они не перестали верить в человека. Евреи готовы идти на встречу с христианами при условии, что христиане будут в полной мере уважать их религиозную идентичность.

В истории отношений между евреями и христианами Освенцим представляет собой решающий перелом и, с человеческой точки зрения, невосполнимую потерю. После Освенцима евреи отвергают толерантность и милость со стороны христиан. Израненные, ослабленные экономически и численно, они всею силою души настаивают на своем элементарном праве абсолютного уважения собственной религиозной идентичности, на то, что их следует считать полноправными людьми, такими, какими они созданы волею Творца. Они отказываются от всяческой жалости с христианской стороны, они хотят, чтобы их воспринимали таковыми, какими они являются по воле Создателя.

В последние годы мы участвовали во многих встречах христиан и евреев. Впервые со времен императора Константина, когда начался процесс слияния государства и Церкви, эти встречи больше не выглядят только лишь монологом о

христианстве, декламируемым всесильным христианином. Не являются они также патетическим восхвалением иудаизма, который представлен жалким евреем, обвиненным в богоубийстве и принадлежности к низшей, проклятой расе.

Мы рады, что эти встречи в первые пост-освенцимские годы представляли собой попытку лучше узнать и понять друг друга. Но для того, чтобы этот процесс развивался, необходимо, чтобы они проходили, как сказано в Библии, в духе «истины и мира».

Если мы хотим истинного мира, то должна быть сказана правда: мы, евреи, хотим оставаться евреями. Чтобы мы действительно встречались, необходимо, прежде всего, признать нашу законную конкретную историческую идентичность как в смысле образа жизни, так и в духовном смысле.

...Мы не только отдаленные потомки Авраама, дальние сыновья Древнего Союза, праправнуки авторов Ветхого Завета. Авраам продолжает жить в наших детях и, несмотря на преследования, несмотря на споры и противоречия, Союз живет в нашей жизни и в еврейском государстве на Земле Обетованной.

Для нас Ветхий Завет не является ни ветхим, ни заветом; это *Тора Жизни*, и согласно живой Торе живем мы каждый день. Мы – те, кто мы есть, – мы не являемся ни спутниками какой-либо мощной религиозной силы, ни братьями, отделившимися от большой религиозной семьи. Мы являемся детьми Бога и братьями всех Его детей. За почти 4000 лет с начала нашей истории, истории народа Израиля, мы остались теми, какими нас замыслил Бог, и теми, какими Он нас сотворил. Да, именно сам Бог создал Израиль. Следуя словам Пророка, можно сказать, что «так как Бог не изменяется, то мы не можем быть уничтожены». Мы остаемся народом Божьим, «детьми Бога Живого». Он обратил нас к себе, поэтому нет у нас необходимости в ином обращении. Иудаизм, взрастивший нас, не порожден каким-то человеком и не заимствован у другого народа. То, что создано Богом, не сможет изменить никакая человеческая сила.

Мы не хотим господствовать над другими народами или увеличивать свое влияние. У нас только одно устремление: мы хотим видеть, как люди и народы «посвящают себя Богу» согласно идеалу пророков Израиля; как они принимают верховную власть Бога, признают Его господство, не становясь при этом евреями. Бог требует от нас, чтобы мы всегда слушали Его Слово, следовали Его наставлениям о любви и справедливости, для того, чтобы установить на земле Царство Его. Для претворения в жизнь этой миссии мы хотим действовать вместе с нашими братьями-христианами, среди которых мы живем. Вместе с ними хотим мы бороться за избавление мира от голода, невежества, бедности и всякого рода унижений. Вместе с ними хотим мы работать, хотим уважать человеческую личность, ее свободу и благополучие, на которые она имеет право. Ради этого великого и благородного дела мы желаем сотрудничества, с искренностью и с взаимопониманием.

Таково условие подлинной встречи в духе дружбы, в духе «истины и мира». Каждый имеет абсолютное право быть тем, кто он есть, и его идентичность должна быть принята.

Я не отрицаю трудностей, которые это условие вызывает у христианина. Христианин считает прозелитизм своей миссией, в особенности, обращение в

христианство евреев, которым отведено особое место в христианской концепции спасения. Еврей, напротив, не пытается обращать нееврея в иудаизм; миссия еврея заключается не в прозелитизме, а в образе жизни, соответствующем требованиям Бога, и в том, чтобы показывать неевреям пример любви к Богу и уважения Его воли. На этот основной вопрос, который является отправной точкой того, что сегодня называют диалогом, ответы евреев и христиан коренным образом отличаются, их концепции «миссии» несовместимы.

Не приводит ли это различие в уныние евреев и христиан, стремящихся к сотрудничеству на общее благо? Ни в коей мере. У нас есть возможности развивать эффективное сотрудничество – *минней даркей шалом, минней тиккун а-олам* (из-за стремления к миру, из-за стремления к исправлению мира) – во многих областях человеческой деятельности, в социальной, научной, политической. У нас есть возможность стремиться к миру, работать для духовного и материального благосостояния человека и человечества, во славу Всевышнего, при условии отказа обеих сторон от навязывания друг другу пути, ведущего к Богу.

Дорогие христианские собеседники, оказывающие нам честь своим присутствием в Доме нашей еврейской общины, вы свидетельствуете об уважении нашей еврейской религиозной идентичности, что ценно само по себе. Таким образом, это позволяет мне со всей прямоотой высказать мои размышления об отношениях, которые должны в будущем существовать между евреями и христианами. Я хочу со всей искренностью и благодарностью ответить на ваше дружелюбие.

Знайте, мои христианские друзья, что Израиль остается твердым, как утес, в своей вере в Бога Своего, в Скалу Израиля. Никакой призыв, явный или тайный, не поколеблет народ Израиля. Ни хитрость, ни жестокость не уменьшит нашей стойкости. Несмотря на то, что пророка Иону бросили в море, что евреев сжигали на кострах Торквемады и в крематориях Гитлера, – несмотря на все это, Израиль провозглашает: «Я – еврей и трепещу перед Всевышним, перед Богом, сотворившим небо и землю». Никто и ничто не сможет поколебать моего стремления быть бескомпромиссно верным Богу, с которым я безусловно связан со дня своего рождения.

Только той силой, которая дана ему Богом, Израиль обращается к людям и народам и говорит им: «Восславим Всевышнего!», каждый на языке сердца своего, на языке, дарованном ему Богом. И так будет до того дня, когда Бог исполнит Сам обещание, данное людям устами Своего пророка Цефании: «Тогда опять дам Я народам уста чистые, чтобы все зывали к Имени Всевышнего и поклонялись Ему единым сердцем».

40 ЛЕТ ПОСЛЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ВСТРЕЧИ ХРИСТИАН И ЕВРЕЕВ В ЗЕЕЛИСБЕРГЕ В 1947 ГОДУ: КУДА МЫ С ТЕХ ПОР ИДЕМ?

Университет Фрайбурга, 12 июля 1987 г., Международная встреча христиан и евреев.

Нельзя не признать, что антисемитизм в центре христианской Европы веками питался и разжигался ненавистью Церкви к иудаизму и евреям. Чтобы найти лекарство для лечения этой болезни – враждебного подстрекательства против

«проклятого народа», обвиненного в «богоубийстве» , - в Зеелисберге, в Швейцарии, в августе 1947 года собралась «Международная конференция христиан и евреев для противодействия антисемитизму». Она была организована видными лицами христианской Европы и США, а также выдающимися представителями крупных еврейских организаций.

Общая декларация, известная ныне под названием «Хартия Зеелисберга» (или «Десять тезисов Зеелисберга»), имела определенные результаты, а Второй Ватиканский Собор принял ее во внимание при обсуждении еврейской проблемы.

Работа конференции основывалась на документах, подготовленных ее участниками. Среди многих документов по фундаментальной проблеме «Религиозное образование» фигурировал документ номер 16 под названием «Соображения по поводу христианского религиозного образования», который я редактировал, и документ номер 17, составленный французским еврей-историком Жюлем Исааком и озаглавленный «Христианский антисемитизм и возможности его излечения путем трансформации христианского религиозного образования». Эти два документа рассматривались с особым вниманием. Они вызвали оживленные дебаты участников Конференции как в комиссиях, так и на пленарном заседании. Без большого труда нам удалось достигнуть консенсуса и сформулировать Декларацию, ставшую известной как «Десять тезисов Зеелисберга».

Ватиканский Собор рассматривал в 1965 г документ *Nostra Aetate*. Хотя он содержит положительные моменты по отношению к иудаизму и евреям, в нем есть еще следы укоренившихся традиционных колебаний и нерешительности Церкви по этому вопросу. В нем обходится анализ болезненной проблемы отношения Церкви к евреям, нет четкого и ясного признания ответственности Церкви за возникновение и развитие разрушительного антисемитизма и, что представляется непостижимым с нашей точки зрения, в документе не выражено раскаяние Церкви за страдания, причиненные евреям в течение многих веков. Тем не менее, в определенных пунктах в *Nostra Aetate* есть улучшения, хотя в последующих документах, таких как *Orientations*, 1975, и *Note*, 1985, можно обнаружить и ухудшения.

Что касается протестантских Церквей, то они на международных встречах в Амстердаме и в Нью-Дели выразили свое стремление к открытости и пониманию иудаизма и евреев. Они даже раньше Католической Церкви обозначили свое благосклонное отношение к иудаизму и еврейскому народу, но, как и Католическая Церковь, допустили определенные двусмысленности в этих вопросах. Международный Совет Церквей, находящийся в Женеве и включающий Протестантскую и Православную Церкви, проявлял, на первом этапе своего существования, положительное отношение к евреям.

...Были, однако, и такие протестантские пасторы, которые (вероятно, исходя из своей «доктринальности» (*doctrinalement*)) по мотивам религиозно-политического характера старались отрицательно интерпретировать религиозные, духовные и моральные связи евреев со Святой Землей. Они осмеливались предлагать евреям свое собственное, чуждое евреям, прочтение еврейской Библии. Таким образом, «антисионизм» этих вольных толкователей Библии объединяется с

«антисионизмом» «новых левых» и коммунистов. Известно, что антисионизм последних является скрытой, лживой и ограниченной формой антисемитизма.

Во время Зеелисбергской конференции я встречался с представителями некоторых религиозных антисионистских течений и объяснял им неоспоримую связь еврейского народа со Святой Землей, источником которой является Библия. Действительно, «любовь к Святой Земле, к Сиону», «возвращение в Сион» являются неотъемлемой частью иудаизма. К этим мотивам духовного характера для еврейского народа, детей которого продолжают притеснять в различных частях света, добавляется жизненная необходимость иметь место, где можно жить свободно и беспрепятственно развиваться духовно.

Несомненно, атмосфера Зеелисберга была весьма вдохновляющей. Однако каков окончательный итог воплощения в жизнь тех встреч – спустя 40 лет?

Следует признать, что результаты этой исторической Конференции в равной мере как воодушевляют, так и разочаровывают.

Действительно, были вдохновляющие аспекты, касающиеся изменения в отношении Католической Церкви к иудаизму и еврейскому народу, как, например, визит Папы Иоанна Павла II в Римскую Синагогу и осуждение им антисемитизма и особенно нацизма в Освенциме, Майданеке и в Германии.

В то же время эти светлые аспекты затмевались стремлением Церкви основать монастырь кармелиток в Освенциме, в этом святом месте еврейского мученичества, а также попытками Церкви присвоить себе символ Шоа; подменить современную историю Израиля, как Церковь уже делала в течение многих веков – представить себя жертвой Израиля, таким образом способствуя тому, чтобы вычеркнуть из памяти самую ужасную еврейскую Жертву, которую сегодняшние «ревизионисты» пытаются опозлить и даже отрицать ее.

Несомненно, Папа Иоанн Павел II, мудрость которого светит во всем мире, проявил по отношению к евреям добрую волю, уникальную в анналах Церкви. Поэтому выражаем ему свое искреннее уважение и почтение. Но, к сожалению, этим столь красивым жестам противопоставлены другие, которые звучат диссонансом и уменьшают их значение, вызывая у евреев недоумение и огорчение.

Например, беатификация молодой женщины, обращенной в католичество и убитой в Освенциме за то, что она была еврейкой, а вовсе не за то, что была католичкой. Это акт, силой примера призывающий евреев сделать вывод, что миссионерство Церкви по-прежнему актуально для нее, хотя ее по-инквизиторски жесткое отношение теперь сменилось мягким и обходительным.

Значение жестов доброй воли Папы Иоанна Павла II уменьшается и другим показательным фактом: торжественным приемом в Ватикане Курта Вальдхайма (Генерального секретаря ООН). Не дожидаясь выяснения его причастности к военным преступлениям в период нацизма, Ватикан оказал ему такие почести, какие обычно оказывают главе государства. В то время как Ватикан отказывается признать Государство Израиль, построенное, большей частью, на костях убитых в Освенциме, Майданеке и Трешлинке.

Спустя 40 лет после Зеелисберга евреи по-прежнему сталкиваются со злобным антисемитизмом в некоторых странах Восточной Европы и в мусульманском мире и даже с прямой агитацией неонацизма и неофашизма на Востоке. Здравый смысл требует противодействовать наглости тех, кто создает «автоматическое большинство» на Ассамблеях ООН и приравнивает – какой парадокс! – сионизм к расизму.

Мы ожидаем от христианских авторитетов определенного и доверительного отношения к нам, в то время, как наша искренность, лояльность и доверие не могут вызывать сомнений.

Церковь знает, и это подтверждается историей, что люди и целые народы, которые ведут себя корректно с евреями, относясь к ним с уважением, – уважают и самих себя; разрушая же их жизнь, они разрушают свое собственное существование. «Хотите знать моральное состояние человечества? Проверьте, как они ведут себя с евреями!» Библия и Талмуд в форме намеков дают этот совет тем, кто желает узнать моральное состояние мира. Это также подтверждают книга *Зогар* и Иегуда Галеви, еврейский поэт испанского средневековья: «Израиль среди народов мира является тем же, что и сердце среди органов тела: самым страждущим среди них и в то же время самым здоровым. Если сердце больное, то и остальные органы тела также больные». Когда страдают евреи, это отражается и на других народах.

Между тем, еврейский народ, испытавший на себе столько человеческой злобы, по-прежнему убежден в том, что в человеке, вопреки его способности быть жестоким, может однажды пробудиться Божественный образ, данный ему Творцом и способный осветить душу. Ведь Бог, создавая человека, хотел, чтобы это было существо, достойное Его, подобное Ему, способное любить без ненависти, создавать не разрушая.

Речь идет о процессе нравственного оздоровления человечества. Основой этого процесса является воспитание, обучение детей, завтрашних взрослых, в духе братства. Будем всегда помнить слова пророка Малахии: «Разве не один и тот же отец у нас, не один и тот же Бог создал нас? Почему мы ведем себя коварно друг с другом?» С присущими им чистотой и простодушием, обостренным восприятием истины дети могут понять и запомнить такого рода мировоззрение и его практические следствия.

...Добрая воля, уверенность в том, что каждый из нас сохраняет и развивает религиозную идентичность и уважение к другим, дают нам надежду на приближение тех дней, «когда все народы призовут имя Господа, чтобы самоотверженно и единокорно служить Ему».